

МЕТАНАРРАТИВНАЯ РЕФЛЕКСИЯ О СТРУКТУРЕ ЖИЗНЕННОГО СЮЖЕТА В АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНОМ БИОГРАФИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

О. В. ЛЕОН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет иностранных языков,
ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются лексические маркеры метанарративного уровня, реализующие концептуализацию ключевых элементов жизненного сюжета. Предпринимаются попытки выявить общие и культурно-специфические черты языковой репрезентации структуры сюжета в рамках биографии, определить диапазон лексико-семантических средств и характер метафоризации сюжетных метамаркеров. Впервые сопоставляются количественные и качественные характеристики наиболее частотных англо- и русскоязычных метанарративных маркеров сюжета и выявляются механизмы вербальной репрезентации событий в разных нарративных традициях. Значимость полученных результатов заключается в уточнении межъязыковых паттернов и идиоэтнических компонентов нарративной композиции, что может использоваться в практике лингвистического и филологического анализа текста, межкультурной коммуникации и теории перевода.

Ключевые слова: нарратив; метанарратив; биографический нарратив; сюжет; структурные компоненты сюжета.

МЕТАНАРАТЫЎНАЯ РЭФЛЕКСІЯ АБ СТРУКТУРЫ ЖЫЦЦЁВАГА СЮЖЭТА Ў АНГЛА- І РУСКАМОЎНЫМ БІАГРАФІЧНЫМ НАРАТЫВЕ

В. В. ЛЕОН^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт замежных моў,
вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Разглядаюцца лексічныя маркеры метанаратыўнага ўзроўню, што рэалізуюць канцэптуалізацыю ключавых элементаў жыццёвага сюжэта. Робяцца спробы выявіць агульныя і культурна-спецыфічныя рысы моўнай рэпрэзентацыі структуры сюжэта ў межах біяграфіі, вызначыць спектр лексіка-семантычных сродкаў і характар метафарызаванні сюжэтных метамаркераў. Упершыню супастаўляюцца колькасныя і якасныя характарыстыкі найбольш частотных англа- і рускамоўных метанаратыўных сюжэтных маркераў, а таксама выяўляюцца механізмы вербальнай рэпрэзентацыі падзей у розных наратыўных традыцыях. Значнасць атрыманага выніку заключаецца ва ўдакладненні міжмоўных патэрнаў і ідыяэтычных кампанентаў наратыўнай кампазіцыі, што можа выкарыстоўвацца ў практыцы лінгвістычнага і філалагічнага аналізу тэксту, міжкультурнай камунікацыі і тэорыі перакладу.

Ключавыя словы: наратыў; метанаратыў; біяграфічны наратыў; сюжет; структурныя кампаненты сюжэта.

Образец цитирования:

Леон ОВ. Метанарративная рефлексия о структуре жизненного сюжета в англо- и русскоязычном биографическом нарративе. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2026;1:78–86.
EDN: YPCXGO

For citation:

Leon OV. Metanarrative reflection on life plot structure in English and Russian biographical narrative. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2026;1:78–86. Russian.
EDN: YPCXGO

Автор:

Ольга Вячеславовна Леон – кандидат филологических наук, доцент; докторант кафедры славянских языков переводческого факультета.

Author:

Olga V. Leon, PhD (philology), docent; doctoral student at the department of Slavic languages, faculty of translation and interpreting.
hoyden.feanorown@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8186-5537>

METANARRATIVE REFLECTION ON LIFE PLOT STRUCTURE IN ENGLISH AND RUSSIAN BIOGRAPHICAL NARRATIVE

O. V. LEON^a

^a*Belarusian State University of Foreign Languages, 21 Zakharava Street, Minsk 220034, Belarus*

Abstract. The object of the given study is metanarrative-level lexical markers that conceptualise key structural components of a life plot. The author seeks to identify both general and culture-specific characteristics of verbal representation of plot structure within biography, to determine the scope of lexical-semantic means, and to describe the nature of the metaphorisation of plot structure metamarkers. For the first time, a comparative analysis of quantitative and qualitative characteristics of the most frequent English and Russian metanarrative plot structure markers is undertaken, as well as the mechanisms of verbal representation of events in different narrative traditions are revealed. The value of the findings lies in clarifying cross-linguistic patterns and culture-bound components of narrative composition, which can be applied in linguistic and philological text analysis, cross-cultural communication, and translation theory.

Keywords: narrative; metanarrative; biographical narrative; plot; plot structure components.

Введение

Современная эпоха характеризуется кризисом метанарративов и «недоверием к метанарративным формам» [1, с. 10]. Утрата «больших историй» (метанарративов в философском смысле) повышает значимость локальных нарративных практик конструирования индивидуального смысла жизни. Таким образом, нарративная организация сознания становится ключевым способом структурирования реальности в условиях постмодерна [2; 3].

Нарративная психология утверждает, что человеческий опыт организован как «рассказ о жизни», в котором субъектом выступают автор, герой и рассказчик одновременно. С этой точки зрения биографический нарратив представляет собой инструмент конструирования идентичности, а не простого воспроизведения фактов [4]. В представлениях Дж. Брунера жизнь как проживание неотделима от жизни как рассказывания [5, с. 691–692].

Биографический (автобиографический) нарратив на современном этапе достаточно хорошо изучен с точки зрения нарративной идентичности и ее языкового воплощения. В зарубежной традиции значительное внимание уделяется рассмотрению роли нарративных структур в формировании персональной идентичности [6–10]. В отечественной науке активно разрабатываются вопросы структуры и семантики автобиографического нарратива, изучается роль нарративных практик в формировании этнокультурной идентичности, анализируются особенности биографического повествования в различных дискурсивных контекстах [2; 11; 12].

Однако механизмы метанарративной рефлексии о структуре жизненного сюжета в сопоставительном аспекте изучены недостаточно. Особого внимания заслуживает изучение лексических средств экспликации представлений о сюжетной структуре жизни, которые могут отражать культурно-специфичные модели нарративного сознания. Лингвистические исследования метанарративных маркеров биографического дискурса, как правило, являются монолингвальными и практически не касаются языковых средств концептуализации жизненного сюжета в англо- или русскоязычной биографической литературе [13; 14]. Немногочисленные попытки сравнительного исследования нарративных структур в разноязычных культурах уже демонстрируют, что концептуализация жизненного опыта через нарративные категории имеет как общие, так и культурно-специфичные черты [15].

Метанарративная рефлексия (экспликация представлений о нарративе внутри самого нарратива), объектом которой может выступать, в частности, структура жизненного сюжета, представляет собой сложный процесс концептуализации жизненного опыта через призму нарративных категорий и структурных компонентов повествования. В биографическом нарративе эта рефлексия эксплицируется посредством метанарративных комментариев – высказываний о повествовании, которые позволяют описать жизненные события с позиции самого повествователя или стороннего наблюдателя. Лексические маркеры метанарративного уровня в подобных контекстах выполняют функцию экспликации концептуальных представлений носителей языка о структурных компонентах и свойствах «нарратива о жизни». Сравнительный анализ метанарративных практик в различных языковых культурах может способствовать выявлению как общих закономерностей нарративного сознания, так и культурно-специфичных способов концептуализации жизненного опыта через призму повествовательных структур.

В настоящем исследовании рассматриваются частный аспект метанарративной рефлексии, связанный с вербализацией структуры жизненного сюжета, и только один класс языковых средств ее реализации – лексические маркеры, номинирующие структурные компоненты сюжета. Это обстоятельство не исключает существования других типов метанарративных проявлений и других средств их экспликации, которые остаются за рамками данной работы.

Нарративная структуризация опыта является универсальной когнитивной способностью человека [5; 16]. Современные масштабные исследования [16] показывают, что все культуры используют схожие структурные компоненты для организации жизненного нарратива: эпизоды, сцены, поворотные моменты, кульминации и развязки. Наименования структурных компонентов нарратива (метанарративные маркеры) в его языковой ткани отражают универсальные когнитивные схемы, реализуемые средствами конкретных языков. Настоящее исследование направлено на выявление частотности и культурно-специфичных особенностей языковой репрезентации этих универсальных структурных компонентов (компонентов, присущих биографическому нарративу независимо от языка реализации) в англо- и русскоязычном биографическом нарративе.

Актуальность работы определяется, во-первых, возрастающим интересом к проблемам нарративной идентичности в условиях постмодернистской критики «больших нарративов» и поиска новых форм самоосмысления [17], во-вторых, необходимостью комплексно изучить метанарративные механизмы в биографическом дискурсе с учетом их лингвокультурной специфики, в-третьих, недостаточной разработанностью сопоставительных исследований по вопросу концептуальных представлений о жизненном сюжете в разноязычных культурах.

Для Беларуси исследование метанарративной рефлексии о структуре жизненного сюжета является актуальным по нескольким причинам. В условиях трансформации постсоветского пространства сравнительный анализ англо- и русскоязычных метанарративных маркеров позволяет выявлять специфику белорусского нарративного сознания в ситуации культурного и языкового пограничья. Кроме того, при наличии устойчивого интереса белорусской науки к биографическому нарративу и национальной идентичности [12; 18; 19] лингвистические аспекты метанарративной рефлексии остаются недостаточно изученными в плане сопоставления.

Цель исследования заключается в выявлении форм метанарративной рефлексии о структуре жизненного сюжета в англо- и русскоязычном биографическом нарративе в сопоставительном аспекте. Задачами исследования являются определение спектра лексико-семантических средств, обеспечивающих метанарративную рефлексии о структуре сюжета в англо- и русскоязычном биографическом нарративе, и описание механизмов метафоризации структуры жизненного сюжета на метанарративном уровне.

Материалы и методы исследования

Исследование проводилось с использованием комплексного подхода, интегрирующего принципы нарративного анализа [20–22], контекстуального анализа, корпусной лингвистики [23] и сравнительного языкознания. В качестве ведущих методов применяются нарративный анализ, понимаемый как «качественный метод исследования, направленный на интерпретацию повествования и уделяющий особое внимание временной последовательности, которую устанавливают люди как рассказчики о своей жизни и окружающих событиях» [24, с. 92], и контекстуальный анализ, предполагающий «исследование языковой единицы в составе речевого контекста, то есть той части текста, в которой реализуется ее семантика», с учетом ситуативно-речевого и этнокультурного контекстов, которые «определяют сдвиги в семантике слов или грамматических форм»¹. Данный комплекс методов позволяет выявить формы рассуждения о жизненном опыте через анализ структуры нарративных высказываний.

Биографический нарратив в рамках настоящего исследования рассматривается как специфический тип повествовательного текста, представляющий собой упорядоченный рассказ индивида о его жизни, в рамках которого выстраивается последовательность значимых эпизодов в соответствии с тем, как рассказчик понимает цель и направление движения по жизни, описывая процесс принятия героем решений и его самооценку, а также процесс выхода из проблемных ситуаций в жизни субъекта [25]. К основным характеристикам биографического нарратива современные исследователи относят упорядоченность, целенаправленность, самооценку и осмысление, конструирование смысла и личностный контекст [25; 26]. Таким образом, биографический нарратив – это не просто хронологическое изложение фактов, а осмысленное, структурированное повествование о жизни, которое помогает человеку понять себя или Другого, свой или чужой путь.

¹Зэйнаб С. К. Применение лингвистических методов к анализу русской литературы // Филологический аспект: международный научно-практический журнал : сайт. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/primenenie-lingvisticheskikh-metodov-k-analizu-russkoj-literatury.htm> (дата обращения: 31.12.2023).

Данное исследование носит сопоставительный характер и осуществляется на материале англо- и русскоязычного корпусов биографических и автобиографических произведений (по 62 произведения в каждом корпусе), опубликованных и вышедших в топ продаж в 2010–2024 гг. Корпусы формировались методом сплошной выборки по принципу хронологической и жанровой сопоставимости материала с допущением стилистической и содержательной (субъектной) вариативности, которая служит отражению наиболее общей и объективной картины функционирования отдельно взятой группы метанарративных маркеров в биографических нарративах указанных языков вне обусловленности личностными особенностями рассказчика или статусом героя повествования.

Формирование корпусов осуществлялось с применением программы – корпусного менеджера *AntConc* без искусственного выравнивания жанровых долей, чтобы обеспечить отражение реального состояния книжного рынка биографических изданий. В состав англоязычного корпуса вошли 43 биографии и 19 автобиографий, в состав русскоязычного – 25 биографий и 37 автобиографий. Англоязычный корпус включает 8 782 724 токена (словоформы между пробелами, в том числе повторяющиеся) и 102 680 типов (уникальных форм, считающихся по одному разу), показатель лексического разнообразия, отражающий отношение количества типов к количеству токенов (*type-token ratio (TTR)*), равен 0,01. В русскоязычный корпус вошли 648 891 токен и 104 236 типов, показатель TTR составил 0,16. Таким образом, можно констатировать существенное различие в размере и лексическом разнообразии корпусов. Следует отметить, что англо- и русскоязычные корпусы приблизительно сопоставимы по количеству типов. Это обстоятельство обусловлено прогнозируемо высокой повторяемостью служебных (артикли, предлоги, союзы) и некоторых самостоятельных (местоимения) частей речи в текстах англоязычных биографий и автобиографий.

Разница физических объемов англо- и русскоязычного корпусов уравнивается расхождениями в богатстве словарного запаса (в англоязычном корпусе больше токенов, русскоязычный корпус характеризуется более богатым вокабуляром), что делает неравновеликие массивы языковых данных в целом сопоставимыми в рамках исследования метанарративной рефлексии о структуре сюжета. Кроме того, существенная разница в количестве токенов нивелируется использованием относительных показателей (процентных долей), поэтому выявленные различия в частотности употребления метанарративных маркеров не являются артефактом объема корпусов.

Дальнейшая процедура отбора и количественной фильтрации метанарративных лексем в рамках исследования была многоступенчатой, что позволило получить финальные списки из 16 английских и 6 русских маркеров структуры сюжета, наиболее функциональных в биографическом нарративе.

На первом этапе методом сплошной выборки из словаря нарратологических терминов Дж. Принса² и энциклопедии нарративной теории³ был сформирован общий список единиц метанарративного уровня на английском языке, сгруппированных по лексико-семантическим классам (сюжет и его структура, действующие лица и силы, коммуникативная ситуация наррации, техника подачи повествования, пространство и время, текстуальные признаки, типы и жанры нарратива). На втором этапе каждая единица проверялась по корпусу печатных текстов системы *Google books ngram viewer*, и в укороченный список включались только лексемы с частотностью выше 0,000 000 1 %. Полученный перечень составил 201 английскую лексему, 24 % лексем этого перечня (48 единиц) относились к лексико-семантическому классу «Сюжет и его структура».

На третьем этапе происходила функциональная верификация: отобранные лексемы проверялись сначала в Британском национальном корпусе (*British national corpus*), а затем в специально созданном корпусе англоязычных биографических нарративов. Единицы, используемые преимущественно как узкоспециальные термины либо не реализующие метанарративное значение в биографическом дискурсе (включая случаи омонимии), исключались, в результате чего финальный список маркеров структуры сюжета сократился до 16 лексем, выявленных в 1741 контексте.

Для русского языка была проведена аналогичная процедура с опорой на словарь литературоведческих терминов С. П. Белокуровой⁴, словарь нарратологических терминов В. Шмида⁵ и толковый словарь иностранных слов Л. П. Крысина⁶. Укороченный список после частотного отбора включал 145 лексем, из которых 19 % (27 единиц) относились к лексико-семантическому классу «Сюжет и его структура». Последующая проверка их функционирования в Национальном корпусе русского языка и авторском корпусе русскоязычных биографических нарративов привела к формированию финального списка из 6 метанарративных маркеров структуры сюжета в 87 контекстах.

²Prince G. A dictionary of narratology. Lincoln : Routledge, 1987. 118 p.

³Routledge encyclopedia of narrative theory / D. Herman, M. Jahn, M.-L. Ryan (eds). London : Routledge, 2008. 718 p.

⁴Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов // Культура письменной речи : сайт. URL: <http://grammar.ru/LIT/?id=3.0> (дата обращения: 17.01.2026).

⁵Шмид В. Нарратология. М. : Языки славян. культуры, 2003. 312 с.

⁶Крысин Л. П. Современный словарь иностранных слов. М. : АСТ-Пресс книга, 2012. 416 с.

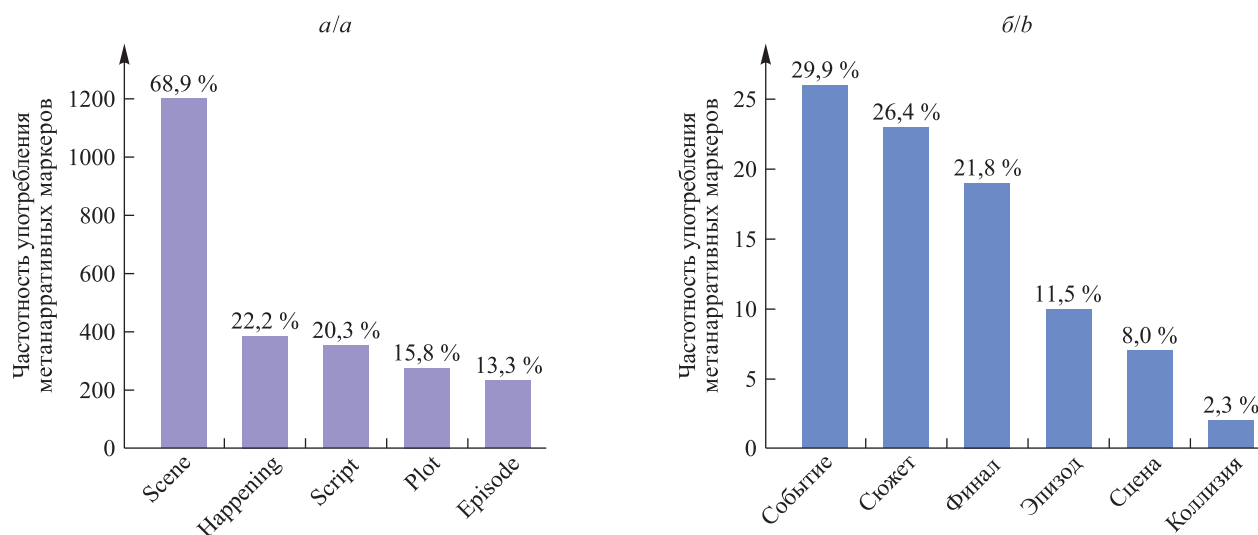
Результаты и их обсуждение

Современные исследования нарративной идентичности [5; 16; 27; 28] выявляют универсальные механизмы осмысления жизненного опыта через призму повествовательных структур при сохранении культурно-специфичных особенностей их языкового воплощения [29; 30]. Сопоставительный анализ способов экспликации концептуальных представлений о структуре сюжета в англо- и русскоязычном биографическом нарративе позволяет выявить как типологические, так и идиоэтнические черты концептуализации жизненного опыта в различных лингвокультурах. Данный анализ выявил существенные количественные различия в объеме и характере употребления метанарративных маркеров лексико-семантического класса «Сюжет и его структура» в исследуемых языках.

В англоязычном материале зафиксировано вариативное употребление 16 лексем метанарративного уровня (*anticlimax* ‘антикульминация’, *climax* ‘кульминация’, *complication* ‘завязка’, *denouement* ‘развязка’, *epilogue* ‘эпилог’, *episode* ‘эпизод’, *happening* ‘случай (событие)’, *leitmotif* ‘лейтмотив’, *plot* ‘сюжет’, *prologue* ‘пролог’, *quest* ‘квест (поиски, условный «отъезд рыцаря на поиски приключений)», *reversal* ‘перелом (крутой поворот, смена ролей)’, *scene* ‘сцена’, *script* ‘сценарий’, *sequence* ‘последовательность’, *turning point* ‘поворотный момент’) в 1741 контексте (из них 49,6 % составляют контексты с выраженной метафоричностью). В русскоязычном корпусе выявлено только 6 метанарративных лексем (*коллизия*, *сюжет*, *финал*, *сцена*, *эпизод*, *событие*) в 87 контекстах (из них 54 % характеризуются метафорическим употреблением).

Приблизительно одинаковое процентное соотношение метафорических и терминологических словоупотреблений метанарративной лексики в англо- и русскоязычных биографических нарративах указывает на общую тенденцию метафорически осмысливать жизненный опыт через нарративные структуры при сохранении культурно-специфичных особенностей лексической реализации данного осмысления.

Приведенные на рисунке диаграммы наглядно демонстрируют кардинальные межъязыковые различия в частотности употребления метанарративных маркеров. В целом наиболее продуктивными в русскоязычном материале оказались лексемы *событие*, *сюжет* и *финал*, в англоязычном материале такими лексемами стали *scene*, *happening* и *script*.

Частотность употребления метанарративных маркеров сюжета в англоязычном (а) и русскоязычном (б) биографическом нарративе

Frequency of metanarrative markers of the plot in English (a) and Russian (b) biographical narrative

Анализ русскоязычного материала показал, что лексема *событие* функционирует исключительно для обозначения жизненных вех и поворотных моментов биографии. Характерными дистрибутивными свойствами данной лексики являются эпитеты эмоциональной окраски (*радостное событие*, *печальное событие*, *незабываемое событие*) и темпоральные характеристики (*историческое событие*).

В англоязычном нарративе аналогичную функцию выполняют лексемы *turning point* и *reversal*, которые также тяготеют к контекстам, содержащим стилистические приемы антитезы и парадокса для подчеркивания кардинального характера жизненных перемен: *That was the turning point. I lost love and found a career* [31, p. 259] ‘Это был поворотный момент. Я лишилась любви и приобрела карьеру’; *He particularly enjoyed talking about the reversal of fortune of being once rejected by Harvard but later being*

invited there to give a talk [32, p. 109] ‘Особенное удовольствие он получал, рассказывая о крутом повороте судьбы: когда-то в Гарварде его отвергли, а позже пригласили туда читать лекцию’.

Лексема *сюжет* в русскоязычном материале характеризуется преимущественно терминологическим употреблением (87 % контекстов), при этом эпизодические метафорические употребления связаны с концептуализацией жизненных ситуаций через призму интертекстуальности (*диккенсовский сюжет*) или каузальности (*сюжет разрушения*). Английский не прямой эквивалент *plot* демонстрирует более широкий спектр метафорических значений, включая фразеологизированные употребления (*lost the plot* ‘сошел с ума, утратил связь с реальностью’).

Английский метанарративный маркер *scene* характеризуется наибольшей частотностью среди метанарративных маркеров. В большинстве случаев данный маркер используется для описания событий (фоновых или групповых действий, отдельных эмоционально окрашенных эпизодов, связанных с публичной демонстрацией чувств или ярких переживаний) как сцен из пьесы или фильма (*a dramatic scene played out in court* ‘в суде разыгралась драматическая сцена’; *I looked at the hunched, defensive body of the woman. She was pitifully thin. The scene was pitiable* [33, p. 177] ‘Я посмотрел на сутуленную, зажатую фигуру женщины. Она была плачевно худой. Вся эта сцена была плачевна’).

С точки зрения функциональности маркер *scene* подчеркивает театрализацию и экспрессивность повествования. Дистрибутивные характеристики данного маркера достаточно часто сопрягаются с интертекстуальными сравнительными конструкциями, как правило, кинематографическими (*the conversation, which might sound like a scene from a movie* ‘разговор, который мог бы звучать как сцена из кинофильма’; *it resembled a scene from a horror film* ‘это напоминало сцену из фильма ужасов’) [34, p. 165].

Русскоязычный маркер *сцена* встречается значительно реже, преимущественно в переносном значении ‘фрагмент социально или эмоционально насыщенной ситуации’ (*безобразная сцена, немая сцена*). Данная лексема употребляется обычно в контекстах, связанных с неприличным или излишне эмоциональным проявлением на глазах у других (нередко с оценочным компонентом).

Английская лексема *happening* встречается в 386 контекстах (22,2 % выборки) и представляет собой относительно частый метамаркер, но при этом доля явно метафорических употреблений данной лексемы низкая (0,5 %). В основном лексема обозначает нейтральное происшествие или случай, не всегда выделяемый как существенный эпизод. В биографии метамаркер *happening* чаще всего используется для рутинного описания последовательности реальных событий, не вынесенных в ранг ключевых для жизненного сюжета (*the comfort book is one which always remains a private happening* [35, p. 16] ‘книга-утешение – это та, что навсегда остается глубоко личным происшествием’). В отличие от него, достаточно близкое по смыслу и месту в нарратологической терминологии русскоязычное слово *событие* (соотношение терминов *event* и *happening* подробно описано Дж. Принсом⁷) встречается в 26 контекстах (29,9 % выборки) и маркирует важную биографическую веху, запоминающийся момент, т. е. не просто событие, а событие, обладающее *tellability* ‘повествовательной значимостью’ (достойное включения в структуру нарратива). Вокруг *события* чаще разворачивается нарративная ось – оно имеет четкие границы начала, конца и последствий. В данном случае наблюдается некоторая речевая интенсификация: всякий нарратив по определению состоит из событий, но далеко не каждое событие, упоминаемое в нарративе, удостоивается прямой номинации. Следовательно, повествуемое событие, лексически маркированное как *событие*, заслуживает особого внимания адресата: *Мне неизвестно, пришел бы я к театру, вышел бы на сцену, стал бы делать спектакль, писать пьесы, а потом и литературу без того вполне случайного, неожиданного и теперь кажущегося магическим события. СО БЫТИЕ... Нет более точного слова, более верного называния для моей первой настоящей встречи с театром*⁸ [36, с. 5].

Английский маркер *script* встречается в 353 контекстах (20,3 % выборки). Преимущественно он употребляется в значении ‘план действий, предполагаемый ход развития ситуации или последовательности этапов биографии’ (*life doesn't always follow the script* ‘жизнь не всегда следует сценарию’) [37, p. 70] и наиболее часто встречается при метафоризации жизненного пути, когда нарратор оценивает осмысленность и предопределенность происходящего или, напротив, непредсказуемость жизни через отсылку к писательскому или театральному ремеслу.

Русский эквивалент *сценарий* непосредственно как эксплицитный метанарративный маркер в материалах встречается реже, однако аналогичные функции реализуются через лексему *сюжет* (особенно в значении заданной линии, хода событий (*сюжет разрушения*)). В данном случае маркер *сюжет* (*сценарий*) выполняет функцию концептуализации новой фазы, этапа или причинно-следственной связи между эпизодами.

⁷Prince G. A dictionary of narratology... P. 28–39.

⁸Цитаты приводятся с сохранением особенностей оригинала. – О. Л.

Сопоставительный анализ также позволил выявить различия в концептуализации временной структуры биографического нарратива. В русскоязычном материале лексема *финал* употребляется преимущественно как эвфемизм смерти или негативно окрашенного завершения жизненного этапа (*финал детства, печальный финал*). Англоязычный нарратив использует для аналогичных целей лексемы *denouement* и *epilogue*, которые сохраняют более нейтральную окраску, употребляются крайне редко (в единичных контекстах) и применяются с референцией как к жизням отдельных людей, так и к геополитическим событиям (*civilian suffering in the coming denouement* ‘страдания мирного населения в грядущей развязке’) [38, p. 447].

Подобного рода метанарративные конструкции могут обыгрываться как метаструктурные референции ко всему произведению, в котором повествуется о жизни человека, благодаря чему проводятся параллели между реальностью (сложившейся судьбой) и содержанием нарратива. Такой прием использовал биограф С. Джобса, завершивший работу над биографией незадолго до смерти ее героя: «*If I do something else amazing, that means you get to write a second volume*». *He smiled at that thought, then added, «Or at least a very long epilogue». Sadly, this is a short epilogue* [39, p. 579] ‘«Если я совершу еще что-нибудь по-настоящему выдающееся, значит, вам придется написать второй том». Он улыбнулся этой мысли и добавил: «Или хотя бы очень длинный эпилог». Увы, это короткий эпилог’.

Концептуализация дискретных единиц жизненного опыта также различается: русскоязычная лексема *эпизод* (70 % метафорических употреблений) тяготеет к обозначению курьезных, неудобных, запоминающихся или, напротив, типичных либо незначительных, не стоящих запоминания событий со слабо выраженной оценочной коннотацией (*вчерашний ночной эпизод* [40, с. 31]). Английская эквивалентная лексема *episode* функционирует в более широком семантическом диапазоне, включающем как эмоционально-оценочные, так и нейтральные обозначения жизненных фрагментов (*I recall a slightly surreal episode in the shop* [41, p. 128] ‘я вспоминаю слегка сюрреалистический эпизод в магазине’; *an important episode in his career* [42, p. 270] ‘важный эпизод его профессиональной биографии’). Данные лексемы имеют общий коннотативный компонент ‘курьезный случай, достойный пересказа’, но русскоязычный материал чаще подчеркивает характер байки, анекдотической ситуации (*забавный эпизод, этот эпизод после награждения и неудобно пересказывать* [43, с. 40]).

В обеих лингвокультурах метанарративные маркеры выполняют функцию регуляции коммуникативного регистра, характер которой различается: английские маркеры демонстрируют большую вариативность в плане повышения или понижения стилистического регистра (*quest* ‘рыцарское путешествие-поиск’ и *lost the plot* ‘сошел с ума, потерял берега’), тогда как русскоязычные лексемы преимущественно повышают торжественность или драматизм повествования: *Для экипажа это привычное и будничное действие, для курсантов событие историческое* [44, с. 88]. *Фантастический, невероятный сюжет* [45, с. 10].

Экспрессивность высказываний в обеих языковых системах усиливается за счет лексико-синтаксических стилистических средств в ближайшем контексте метанарративных маркеров, при этом для русскоязычного материала характерно более частое употребление эмоционально-оценочных эпитетов.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить как общие черты, так и идиоэтнические (обусловленные лингвокультурной спецификой концептуализации жизненного опыта) особенности языкового воплощения метанарративной рефлексии о структуре сюжета в англо- и русскоязычном биографическом нарративе.

К общим чертам относятся концептуализация жизни через призму нарративных структур, метафорическое употребление терминологической лексики для обозначения поворотных моментов биографии, использование метанарративных маркеров заданной группы в качестве регуляторов экспрессивности высказывания (в совокупности с такими стилистическими приемами, как антитеза и парадокс, которые служат для усиления экспрессивности) и повышения (понижения) коммуникативного регистра.

Культурно-специфическими особенностями русскоязычного нарратива являются существенно меньшее разнообразие метанарративной лексики при более высокой степени метафоризации отдельных лексем, преобладание эмоционально-оценочных коннотаций, тенденция употреблять лексему *финал* как эвфемизм смерти, более частотные интертекстуальные отсылки. Англоязычный нарратив характеризуется большим лексическим разнообразием метанарративных маркеров, их морфологической продуктивностью (*climax – anticlimax*), более широким диапазоном реализуемых стилистических функций и наличием фразеологизированных словоупотреблений.

Английские маркеры демонстрируют значительно большую частотность и вариативность употребления, однако при этом слово *scene* играет главную роль в театрализованной визуализации жизненного

опыта. В русском материале лексема *событие* выступает основным маркером жизненных вех, оттеняя их субъективную значимость, лексема *цена* используется в качестве экспрессивного компонента высказывания, лексема *сюжет (сценарий)* реже маркирует структуру (в отличие от англоязычного биографического нарратива), чаще концептуализирует логику и причинность.

Таким образом, в обоих языках наиболее частотные метанарративные маркеры структуры жизненного сюжета не только отражают общие нарративные схемы (театрализация, событийная наполненность, каузальность), но и выражают разное отношение биографа к структуре и повествовательной значимости жизненного материала.

Библиографические ссылки

1. Лютар ЖФ. *Состояние постмодерна*. Санкт-Петербург: Алетей; 1998. 160 с.
2. Зайцева ЮЕ. Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*. 2016;16(1):118–136.
3. Волков ВН. Постмодерн: недоверие к метанарративам. *Культурное наследие России*. 2015;(2):3–11.
4. Бабич ВВ. Нарративная идентичность: между онтологией и эпистемологией (опыт XX века). *Философия и культура*. 2024;7:43–55. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.7.43834.
5. Bruner J. Life as narrative. *Social Research*. 2004;71(3):691–710. DOI: 10.1353/sor.2004.0045.
6. Brannen J. *Social research matters: a life in family sociology*. Bristol: Bristol University Press; 2019. Life stories: biographical and narrative analysis; p. 157–178.
7. Brooks E, Coates O, Gulliford L. The use of biographical narratives in exemplarist moral education. *Journal of Moral Education*. 2021;53(1):176–194. DOI: 10.1080/03057240.2021.1964451.
8. Barstad GE, Knutsen KSP, Vestli EN, editors. *Exploring identity in literature and life stories: The elusive self*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing; 2019. 368 p.
9. Demazière D, Wittorski R, West L. Professionalism and the auto/biographical imagination. In: Demazière D, Wittorski R, editors. *Encyclopedia of professionalization*. Hoboken: Wiley; 2024. DOI: 10.1002/9781394332427.ch10.
10. Smith S, Watson J. *Reading autobiography: a guide for interpreting life narratives*. Minneapolis: University of Minnesota Press; 2010. 392 p.
11. Клементьева МВ. Сюжеты автобиографических нарративов в контексте исследования личности. *Российский социально-гуманитарный журнал*. 2018;3:147–155.
12. Пергл Д. Белорусская идентичность в биографическом нарративе. *Славянский мир: общность и многообразие*. 2022;1:18–22. DOI: 10.31168/2619-0869.2022.1.04.
13. Федорова НВ, Требухина НВ. *Лексические особенности текстов мемуарно-биографических произведений и их передача с английского языка на русский* [Интернет]. 2023 [протитировано 30 января 2024 г.]. Доступно по: <https://rulb.org/archive/7-43-2023-july/10.18454/RULB.2023.43.16>.
14. Смирнова ДС. Категория событийности в биографическом нарративе (на материале «Хождения за три моря Афанасия Никитина»). *Вестник Университета Российской академии образования*. 2011;1:30–36.
15. Хасанова ОВ, Каримова АА, Загидуллина ГФ. Мультимедийный нарратив в русском и англоязычном медиадискурсах. *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(3):369–378.
16. Boyd B, Blackburn J, Pennebaker JW. Universal narrative structure and the emotional impact of stories. *Science Advances*. 2020;6(32):eaba2196. DOI: 10.1126/sciadv.aba2196.
17. Рымарь НТ. Постмодернистский метанарратив. Двойное кодирование эстетической коммуникации: дискурс и личность. *Новый филологический вестник*. 2024;4:22–34. DOI: 10.54770/20729316-2024-4-22.
18. Фабрикант МС. Нарративный анализ национальной идентичности как теоретического конструкта и эмпирического феномена. У: Таўгень АІ, рэдактар. *Зборнік навуковых прац Акадэміі паслядыпломнай адукацыі. Выпуск 4*. Мінск: Акадэмія паслядыпломнай адукацыі; 2008. с. 255–268.
19. Настусевич СВ. Концепция «новой биографической истории» в работах Л. П. Репиной: поиск формы и содержания. *Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки*. 2020;20(2):113–120.
20. Fludernik M. *An introduction to narratology*. Hausler-Greenfield P, Fludernik M, translators. New York: Routledge; 2009. 190 p.
21. Genette G. *Narrative discourse: an essay in method*. Ithaca: Cornell University Press; 1980. 285 p.
22. Herman D. *Basic elements of narrative*. Chichester: Wiley-Blackwell; 2009. 272 p.
23. McEnery T, Hardie A. *Corpus linguistics: method, theory and practice*. Cambridge: Cambridge University Press; 2012. 294 p.
24. Леонтович ОА. *Методы коммуникативных исследований*. Москва: Гнозис; 2011. 365 с.
25. Альперович ВД. Жизненные сценарии и биографические нарративы: сравнительный анализ концептуальных моделей. *Социальная психология и общество*. 2024;15(1):39–56. DOI: 10.17759/sps.2024150103.
26. Кузнецова ЮМ, Суворова МИ, Чудова НВ. Сценарий как форма репрезентации события в знаковой картине мира. *Труды Института системного анализа Российской академии наук*. 2019;69(1):70–82. DOI: 10.14357/20790279190107.
27. Бабич ВВ. Нарративная идентичность: реальность и воображение. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2024;80:86–98. DOI: 10.17223/1998863X/80/8.
28. Щедрина ИО. Идентичность в цифровом пространстве: нарратив между когнитивным и экзистенциальным. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2023;3:124–129. DOI: 10.24866/1997-2857/2023-3/124-129.
29. Обдалова ОА, Левашкина ЗН. Понятие «нарратив» как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности. *Язык и культура*. 2019;48:332–348.

30. Semege M. Cultural specificity and cinematic narration: unveiling cultural supremacist inflections of Euro-American theories. *Film International*. 2021;19(2):17–40.
31. Cohodas N. *Princess noire: the tumultuous reign of Nina Simone*. New York: Knopf Doubleday Publishing Group; 2010. 480 p.
32. Clark D. *Alibaba: the house that Jack Ma built*. New York: HarperCollins; 2016. 304 p.
33. Shepherd R. *Unnatural causes*. London: Penguin Books; 2018. 464 p.
34. Kennedy-Macfoy E. *Into the fire: my life as a London firefighter*. London: Transworld Publishers; 2018. 576 p.
35. Latham M. *The bookseller's tale*. London: Penguin Books; 2021. 320 p.
36. Гришковец ЕВ. *Театр отчаяния. Отчаянный театр*. Москва: Автор; 2018. 304 с.
37. King J. *Challenged: living our faith in a post modern age*. Melbourne: Lulu.com; 2016. 550 p.
38. Farrell JA. *Ted Kennedy: a life*. New York: Penguin Press; 2022. 752 p.
39. Isaacson W. *Steve Jobs*. New York: Simon & Schuster; 2011. 630 p.
40. Бондарева А. *Железный путь*. Москва: Литрес; 2023. 276 с.
41. Samuel B. *An accidental bookseller: a personal memoir of Foyles*. Towcester: Puxley Productions; 2019. 174 p.
42. McGrath A. *C. S. Lewis: a life*. Carol Stream: Tyndale House Publishers; 2013. 431 p.
43. Нилин АП. *Эдуард Стрельцов. Памятник человеку без локтей*. Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус; 2020. 400 с.
44. Васильев ГК. *Годы. Мили. Судьбы*. Москва: РДП; 2020. 456 с.
45. Зельвенский СИ. *Роман Поланский. Творческая биография*. Москва: Эксмо; 2024. 372 с.

Статья поступила в редколлегию 27.01.2026.
Received by editorial board 27.01.2026.